
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 327
ББК 66.4(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2023-5-4-13

Yuibang, senior lecturer of the Russian Language and Literature Department, Inner Mongolia Normal University

S.I. Popov, Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Political Analysis and Administration Department, People's Friendship University of Russia

“SMART POWER” PHENOMENON IN THE PRC'S FOREIGN POLICY IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The article reveals relevant aspects of China's smart power policy applied to the Asia-Pacific region. Smart power is considered as a synthesis of soft and hard diplomatic strategies, which allows modern China to effectively achieve its foreign policy goals in the region. Problems of realization of “soft power” policy are noted, factors of counteraction to strengthening China's foreign policy influence in the Asia-Pacific region are revealed.

Key words and word-combinations: smart power, foreign policy, China, Asia-Pacific region, Southeast Asia.

Юйхань, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Педагогического университета Внутренней Монголии (email: 601247581@qq.com)

С.И. Попов, кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (РУДН) (email: serjpo@mail.ru)

ФЕНОМЕН «УМНОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Раскрываются актуальные аспекты политики «умной силы» Китая, применяемой в отношении государства Азиатско-Тихоокеанского региона. «Умная сила» рассматривается как синтез мягкой и жесткой дипломатических стратегий, который позволяет современному Китаю эффективно достигать внешнеполитических целей в регионе. Обозначены проблемы реализации политики «мягкой силы» и выявлены факторы противодействия укреплению внешнеполитического влияния Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова и словосочетания: «умная сила», внешняя политика, Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия.

Транзитивное состояние современного миропорядка, обусловленное пе-

реходом от однополярного к многополярному укладу, сопровождаемое появлением и возвышением новых центров международного политического влияния, все чаще ставит политическую науку перед необходимостью осмысления природы национальной мощи государств. Рефлексивное осмысление внешнеполитических стратегий ведущих держав современности, предполагающее разложение дипломатического курса на конкретные инструменты влияния, позволяет выделять определенные типы действий, благодаря которым современные государства добиваются своих целей. Традиционно типологизация внешнеполитических инструментов влияния осуществляется сквозь призму политической категории «сила», однако характер проявления силы государства может носить достаточно разнообразный характер. В современной политической науке все чаще обсуждается проблематика «мягкой» и «жесткой силы», а также «умной» и «острой силы» современных государств «как процесс обоснования определенных действий в конкретных политических условиях» [1, с. 107].

Возвышение Китая в качестве одного из ведущих мировых политических и экономических центров служит положительной предпосылкой для многочисленных дискуссий о природе его внешнеполитической стратегии. Сегодня Китай выстраивает конструктивные отношения со всеми государствами мира, охватывая «полюс» своего внешнеполитического влияния целые регионы. Несомненно, что Азиатско-Тихоокеанский регион становится одним из наиболее приоритетных направлений реализации внешней политики Китая. Причиной этого является вполне очевидная географическая близость и цивилизационное родство многих государств региона, на протяжении столетий испытывавших культурное влияние со стороны Китая. Открытым является вопрос о перспективах внешнеполитического курса Китая в отношении государств Азиатско-Тихоокеанского региона, а также природе тех инструментов влияния, которые применяются и будут применяться в будущем Китае в данном направлении.

Одним из описательных средств для внешней политики современных государств, в том числе Китая, является концепция «умной силы». Отметим, что появление представления об умной силе является закономерным развитием более ранних изысканий в области инструментов «мягкой» и «жесткой силы» ведущих держав современности. Международные отношения и дипломатия включают в себя широкий спектр инструментов и техник для достижения внешнеполитических целей. Среди них концепция власти является центральной и наиболее влиятельной. Традиционное понимание власти или влияния государства ассоциировалось с военной и экономической мощью, известной как «жесткая сила».

Однако в последние десятилетия ученые все чаще признают внешнеполитическое значение инструментов «мягкой силы», которая относится к способности формировать предпочтения и ценности других людей посредством создания привлекательного образа государства, а не принуждения. Жесткая сила уходит корнями в реалистическую теорию, которая подчеркивает важность государственной власти и безопасности в международных отношениях. Это считается важным инструментом для государств по поддержанию баланса сил, сдерживанию противников и защите своих национальных интересов. Военная мощь относится к использованию грубой силы для достижения внешнеполитических целей, в то время как экономическая мощь предполагает использование таких средств, как санкции и торговые соглашения. Политическая власть, с другой стороны, предполагает использование дипломатии и альянсов для влияния на другие государства. Примерами «жесткой силы» являются военные интервенции, экономические санкции и политическое давление. Последователи жесткой силы считают, что «опасно переоценивать потенциал “мягкой силы”, решающую роль должны играть методы военного и экономического принуждения» [2, с. 16].

Концепция «мягкой силы» была впервые представлена американским экспертом Джозефом Наем в начале 1990-х годов. Дж. Най как основоположник концепции «мягкой силы» выделял три основных типа сил: принуждения, убеждения и культурного влияния. Сила принуждения может быть обозначена как «жесткая сила», сила, способная навязать свою волю другим посредством жестких методов, в том числе военных, диктаторских. При использовании силы принуждения нет места диалогу сторон, дискуссии, попытке склонить противника на свою сторону и другим проявлениям взаимодействия участников политических отношений. «Жесткая сила» наиболее применима как воля сильной стороны по подавлению слабой стороны без учета мнения последней. Таковыми являются все военные захваты. Основание силы убеждения — неравный диалог, который чаще всего строится на основе финансовых инструментов, когда диалог уже ведется, а равенство сторон отсутствует из-за различий в финансовом положении. Таким образом, слабая сторона всегда будет вынуждена принимать условия второй стороны, имеющей финансовое преимущество. Третий тип силы — сила культурного влияния — предполагает более реальное равенство участников диалога, при котором одна из сторон убеждает вторую сторону желать необходимого. Культурное влияние предполагает такую трансформацию воли одной из сторон, когда она сама принимает решение под давлением более сильного оппонента. Именно в силе культурного влияния и проявляется «мягкая сила», поскольку она

побуждает к добровольному принятию иной точки зрения и смене собственных целей и задач политического влияния. Между тем «международно-политическая наука никогда не отбрасывала в сторону все иные — невоенные и неэкономические — способы достижения внешнеполитических целей и оказания внешнеполитического влияния» [3, с. 24].

«Мягкая сила» часто ассоциируется с идеей культурной дипломатии, которая предполагает использование культурных ресурсов, таких как музыка, кино и искусство, для продвижения этических ценностей и образа жизни страны. «Мягкая сила» также рассматривается как важный элемент политики идентичности, которая подчеркивает роль культурной идентичности в формировании международных отношений. В то время как «жесткая сила» часто рассматривается как наиболее прямая и заметная форма власти, «мягкая сила» привлекает все большее внимание благодаря своей способности влиять на других без применения силы или принуждения. «Мягкая сила» может исходить из различных источников — сферы культуры, политической идеологии, иностранной помощи, и может быть особенно эффективной в продвижении международного сотрудничества и глобальных повесток дня. В свою очередь, «умная сила» государства стремится сбалансировать использование «жесткой» и «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей более тонким и эффективным образом. Этот подход подтверждает, что обе формы власти имеют свои ограничения и сильные стороны, но наиболее успешные внешнеполитические стратегии требуют их сочетания.

Концепция «умной силы» стала результатом суммирования преимуществ двух типов внешнеполитических действий — «жесткой» и «мягкой силы» как ключевой основы анализа внешней политики в XXI в. С момента своего появления концепция «умной силы» стала широко обсуждаемой во внешнеполитических кругах и была принята несколькими странами в качестве руководящего принципа для их внешнеполитических стратегий. Одним из преимуществ «умной силы» является ее способность адаптироваться к различным ситуациям и достигать как краткосрочных, так и долгосрочных целей. «Умная сила» может также быть использована для продвижения ценностей страны и расширения ее международного влияния, защиты ее интересов. Однако использование «умной силы» требует глубокого понимания различных культур и контекстов, так как могут возникать трудности при применении ее различных инструментов. Как отмечает О.Г. Леонова, «позитивная репутация государства, которая когда-то играла важную роль в реализации политики “мягкой силы”, не подкреплённая военной и экономи-

ческой мощью страны, не является средством влияния или достижения интересов власти на международной арене» [4, с. 25].

Концепция «умной силы» является продуктивным описательным средством для анализа внешнеполитической стратегии современного Китая. В начале 1990-х годов Китай принял новую внешнеполитическую стратегию постбиполярного миропорядка, характеризующуюся политикой «добрососедства», цель которой — превратить весь Азиатско-Тихоокеанский регион в стратегическую модель «мирного подъема». АСЕАН также проводит дипломатическую кампанию, направленную на выстраивание конструктивных отношений с Китаем. Существует взаимный процесс между стратегией «конструктивного взаимодействия» АСЕАН и принятием Китаем дипломатии «умной силы» для предотвращения восприятия Китая как угрозы. Восстановление добрососедских отношений между Китаем и прочими суверенными государствами Азиатско-Тихоокеанского региона станет долгосрочным процессом изменения взаимного восприятия сторон внешнеполитического взаимодействия, которые переосмыслили свои интересы и изменили свое поведение по отношению друг к другу.

Китай является государством, продвигающим идею дипломатии «умной силы» в международных отношениях. Идеи, разработанные Китаем в этой сфере, предполагают распространение ответственного отношения политического руководства Китая к решению международных проблем, новой концепции международной безопасности, а также политике добрососедства, лежащей в основе приоритетов внешней политики китайского государства. Можно констатировать успехи китайской образовательной системы и «сильный предпринимательский дух населения, в том числе конъюнктурную гибкость и адаптацию к глобальной среде» [5, с. 24].

Эта идея реализуется в отношениях сотрудничества КНР с прочими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. В рамках реализации стратегии социального обеспечения Китай создает прочную и добропорядочную сеть связей. Несмотря на активное применение инструментов публичной дипломатии, Китай расширил свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, закрепил притязания на юрисдикцию в Южно-Китайском море и принял более жесткую политику пресечения притязаний, выдвинутых другими странами. По основным причинам, которые можно проследить в растущем потенциале и уверенности Китая, усилении противодействия иностранным вмешательствам в конфликт в Южно-Китайском море, значительная часть легитимности китайской дипломатии «мягкой силы» была дополнена инструментами «жесткого» влияния. Это стало еще очевид-

нее из-за политических и военных конфликтов между Вашингтоном и Пекином, особенно когда Китай объявил Южно-Китайское море одним из своих главных интересов, подобно Тибету и Тайваню, и стал проводить военные учения в регионе. Центральное место «занимают вопросы политической безопасности, в том числе в связи с неурегулированным спором по вопросам территориальной принадлежности островов Южно-Китайского моря» [6, с. 58].

Таким образом, в период 1989—2007 гг. стало ясно, что подход «мягкой силы», применяемый Китаем, имел положительные последствия для китайской дипломатии. В настоящее время, хотя намерения Китая поставлены под сомнение, влияние китайской дипломатии «мягкой силой» в Юго-Восточной Азии весьма ограничено. Взаимодействие стран-участниц АСЕАН стало прагматичным, с большим акцентом на мягкое уравнивание или хеджирование рисков в отношении сотрудничества с Китаем. Позитивное взаимодействие способствовало установлению блоковых региональных отношений в целом, создавая пространство для экономического роста Китая и Юго-Восточной Азии одновременно. Новый региональный порядок был сформирован благодаря усилиям Китая и АСЕАН по общению друг с другом. Китай продолжает участвовать в региональных и международных организациях, возглавляемых АСЕАН, и продвигать их собственное видение проблем региональной безопасности.

Вместе с тем положительное развитие политики «умной силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе сталкивается с определенными трудностями. Существенным вызовом для политики «умной силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе стала коронавирусная пандемия. В то время как большая часть мира отменила или ослабила строгие меры по предотвращению распространения COVID-19, Китай лишь в последнее время выходит из жесткой политики по борьбе с инфекцией, которая резко ограничила его глобальные и региональные связи. Это привело к тому, что многие его взаимоотношения с соседями (обмен специалистами, деловые и культурные связи) атрофировались. Связь между людьми Азии резко сократилась из-за длительных ограничительных мер Пекина в отношении поездок. Воздушное сообщение оставалось намного ниже уровня, существовавшего до пандемии; в 2022 г. функционировало только около половины прямых маршрутов из международного аэропорта Пекина. Сегодня Китай по-прежнему является страной, наиболее оптимально связанной с остальной Азией прямыми международными авиаперевозками, но рейсы, прибывающие в страну, в постоянно выполняются с хроническим дефицитом пассажиропотока. Параллельно с этой тенденцией экономические связи Китая с

остальным миром становились менее прочными. За три последних года существенно снизился приток прямых иностранных инвестиций, а мировой экспорт Китая оставался высоким, спрос страны на импорт товаров и услуг ослаб из-за относительно слабого экономического роста. Китай, «игравший долгое время роль одного из ключевых локомотивов мировой и региональной экономики, был застигнут коронавирусом на этапе развернувшихся в стране структурных преобразований» [7, с. 206].

Признание инклюзивного аспекта отношений во внешней политике Китая может уменьшить неоправданное беспокойство по поводу последствий подъема Китая. Внешний мир должен сыграть большую роль в этом процессе: другие страны могут инициировать свою соответствующую инклюзивную внешнюю политику в отношении Китая и тем самым способствовать применению этого принципа в его внешней политике. По отношению к Азиатско-Тихоокеанскому региону современный Китай выступает крупной геополитической доминантой, концентрирующей вокруг себя ключевые экономические и демографические потоки, преобразующие облик всего континента. Применение инструментов «мягкой силы» позволило Китаю создать позитивный имидж, критически важный для его усилий по построению современного, демократического и гармоничного общества. Азиатско-Тихоокеанский регион не стал исключением из этого подхода, хотя инициативы «мягкой силы» в разных странах данного региона существенно различаются. Китай сегодня превратился в крупнейшую стабилизирующую силу, взяв на себя такие обязательства в соответствии со своими возможностями. Государства региона «объективно имеют меньше ресурсов, чтобы противопоставить ему какую-либо конкурентную политику, и одновременно заинтересованы в развитии экономических связей, поэтому в целом эту активность принимают» [8, с. 237].

Китаю удалось установить дружественные отношения со многими развивающимися странами мира, но его благосклонность к развитым и крупным державам мира еще предстоит повысить. Вместе с тем у него наблюдается потенциальная напряженность с соседями по территориальным вопросам, а жесткая позиция в отношении вопросов безопасности еще больше усложняет ситуацию. Внешняя экономическая политика Китая, особенно его план по сокращению масштабов нищеты, в целом оказала положительное впечатление на население государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Региональные государства считают Китай могущественной страной, обладающей потенциалом и способностью противостоять глобальным вызовам и способной противостоять угрозам и давлению, исходящим от таких могущественных государств, как США.

Все чаще дипломатия Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе сталкивается с давлением со стороны США, которые также стремятся к доминирующему положению на дипломатической арене региона, препятствуя распространению влияния Китая. При этом Китай неуклонно наращивает свой военный потенциал, сокращая отставание от США. В 2022 г. Китай активно использовал инструменты «жесткой силы» в Южно-Китайском море, на границе с Индией, и в ответ на визит бывшего спикера Конгресса США Нэнси Пелоси на Тайвань. Масштабные военные учения Китая вокруг Тайваня были направлены на проверку возможностей Народно-освободительной армии и прогнозирование ответных мер Тайваня. Они привели к установлению «новой нормы» в отношении практики полетов китайской военной авиации через так называемую «серединную линию» Тайваньского пролива. Китай поддерживает постоянный темп дипломатической активности, особенно в Юго-Восточной Азии, где он преследует цели укрепления своих геополитических позиций. Отметим, что «единой политики стран АСЕАН в отношении Китая нет и пока не предвидится, учитывая большие различия между ними и их интересами в отношениях с Китаем» [9, с. 149].

С точки зрения эффективности «умная сила» Китая все еще уступает США, Европе и Японии. Другими словами, у Китая все еще имеются возможности для улучшения содержания и привлекательности своей страны. Несмотря на растущую «мягкую силу» Китая и ее влияние на изменение отношения Юго-Восточной Азии к Пекину, нельзя игнорировать тревогу других государств по поводу пресловутой китайской «угрозы». Опасаясь потенциального попадания региональных держав Юго-Восточной Азии в сферу влияния Пекина, многие страны региона продолжают демонстрировать двойственное отношение к быстрому росту Китая. В ответ АСЕАН продолжает привлекать в организацию крупные региональные державы, чтобы уравновесить вызов Китая региональному порядку.

Современная внешняя политика Китая как на глобальном, так и на региональном уровнях отличается попыткой представить Китай миролюбивой и ответственной державой. Пекин уверен, что политика «мягкой силы» не только укрепит его глобальный статус, но обеспечит мир и стабильность соседям и будет способствовать экономическому развитию. Однако сознательное поощрение «мягкой» составляющей во внешней политике не подразумевает сопутствующего размывания «жесткого» сегмента. Внешнеполитическая стратегия Китая в Азии является уместным примером разумного баланса между «мягкой» и «жесткой силой». Применение «мягкой силы», по-видимому, более интенсивно в относительно небольших странах Южной Азии по срав-

нению с Индией, которая является крупнейшей страной Азии. Хотя Китай надлежащим образом использует «жесткую силу» в проведении внешней политики, применение «мягкой силы» для создания благоприятного имиджа становится все более заметным. Таким образом, быстрое стратегическое возвышение КНР на мировой арене сопровождается укреплением «мира и развития», что привело к установлению многочисленных отношений сотрудничества с соседями якобы для того, чтобы развеять опасения по поводу всемогущего Китая. Данные действия входят в состав «базового комплекса механизмов и инструментов экономической дипломатии КНР, которая, в свою очередь, содействует решению задач национального развития» [10, с. 242].

Кроме того, Китай приложил большие усилия для улучшения своих отношений со странами Азии, создав региональную систему, основанную на принципе взаимного интереса. Неизвестно, повлияла ли на такую стратегию склонность к маргинализации стратегического влияния Индии в регионе, тем не менее нет никаких сомнений в том, что масштабы усилий Китая по вовлечению государств Южной Азии в сотрудничество были намного больше, чем подобные инициативы Индии. Многие страны Юго-Восточной Азии положительно относятся к растущей экономике Китая и в некоторой степени близки к его культуре и традициям, но эти факторы необязательно приравниваются к общему позитивному имиджу подъема Китая.

Таким образом, «умная сила» Китая, которая относится к стратегическому использованию как «жесткой», так и «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей, часто наиболее эффективна в ситуациях, когда в игру вступает сложное сочетание динамики власти. Например, региональная интеллектуальная энергетика может быть эффективна в содействии миру и стабильности в зоне конфликта или в решении глобальных проблем, таких как изменение климата или терроризм. «Умная сила» может быть эффективна в ситуациях, когда использование только «жесткой силы» может оказаться слишком дорогостоящим или неэффективным и использование только «мягкой силы» недостаточно для достижения желаемых результатов. Используя комбинацию военных, экономических и культурных инструментов, «умная сила» может обеспечить более тонкий и эффективный подход к достижению целей внешней политики. Однако «умная сила» может быть менее эффективной в ситуациях, когда противоборствующая сторона не желает сотрудничать или вступать в диалог. В таких случаях для достижения желаемых результатов может потребоваться применение «жесткой силы», даже если это рискует нанести ущерб отношениям или репутации в краткосрочной перспективе. Хотя «жесткая

сила», «мягкая сила» и «умная сила» имеют свои собственные сильные стороны и ограничения, они также могут использоваться в сочетании для эффективного достижения внешнеполитических целей.

Библиографический список

1. *Суркова Е.А.* Инструментальный потенциал «умной силы»: современные практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, № 1. С. 107–111.
2. *Русакова О.Ф., Ковалева Д.М.* «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3 (41). С. 15–19.
3. *Шмидт С.Ф.* Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 22–36.
4. *Леонова О.Г.* Политика «умной силы» – продукт эволюции «мягкой силы» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 25–31.
5. *Погорлецкий А.И.* «Мягкая сила»: экономические оценки и перспективы, позиции Китая // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 6. С. 23–33.
6. *Ван В., Цветов П.Ю.* Сотрудничество Китая и России с АСЕАН: основные формы, направления, результаты // Обозреватель. 2021. № 1 (372). С. 56–68.
7. *Федоровский А.Н.* Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 5. С. 204–218.
8. *Муратишина К.Г., Бородина Е.А.* Культурная активность Китая в странах АСЕАН в условиях пандемии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4, № 4 (57). С. 231–240.
9. *Локишин Г.М.* Сотрудничество АСЕАН-Китай: ключ к миру в ЮВА // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 142–150.
10. *Михневич С.В.* «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13, № 4. С. 237–255.